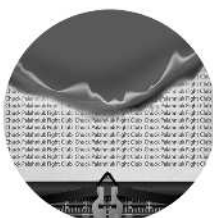

СОСТАВИТЕЛИ
ЧАК ПАЛНИК,
РИЧАРД ТОМАС, ДЕННИС УИДМАЙЕР

СОСТАВИТЕЛИ
ЧАК ПАЛАНИК,
РИЧАРД ТОМАС, ДЕННИС УИДМАЙЕР

ОБОЖЖЕННЫЕ
ЯЗЫКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

П14

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

**BURNT TONGUES:
STORIES FROM CHUCK PALAHNUIK**

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Книга содержит нецензурную брань

Печатается с разрешения издательства
Medallion Press, Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Паланик, Чак.

П14 **Обожженные языки** : [сборник : перевод с английского] / сост. Чак Паланик, Ричард Томас, Деннис Уидмайер. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-100326-5

Кто может написать так же, как Чак Паланик?

А может, эти начинающие литераторы пишут даже лучше Паланика?

Мастер лично отметил достижения молодых талантов, предоставив им место на своем фанатском веб-сайте в качестве дискуссионной площадки, и затем, отобрав лучших из лучших, смешал в палитре этого дебюта сатиру и хоррор, лирику и шок, курьез и мечту.

Рассказы, представленные в этом сборнике, получили сотни отзывов со стороны профессионалов и обычных читателей, благодаря которым авторы смогли довести их до совершенства.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100326-5

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2016

Чак Паланик

ПРЕДИСЛОВИЕ: СИЛА УПОРСТВА*

Мои любимые книги — те, которые я до сих пор не закончил читать. Многие из них я сначала не взлюбил: «День саранчи», «1984», «Бойню номер пять». Даже «Сын Иисуса» в свое время показался настолько странным, что я забуксовал и отложил его в сторону. В школе во мне взрастили ненависть к «Великому Гэтсби» и рассказам Джона Чивера. Неужели кто-то ждал, что я, пятнадцатилетний завод по производству прыщей, приму на веру горькое разочарование Ника Каррауэя, человека в два раза меня старше? Мое детство прошло в жилом прицепе, зажатом между тюрьмой штата и ядерным реактором. Благопристойный мир Чивера с его загородными клубами и электричками казался такой же выдумкой, как страна Оз.

Подобные фальстарты случались еще несколько лет, но однажды я нашел полузабытый томик «Информаторов» Брета Истона Эллиса и прочел его от корки до корки в один присест. С тех пор я не раз

* *The Power of Persisting: An Introduction. Chuck Palahniuk, copyright © 2014.* Перевод Юрия Балясова

дарил эту книгу друзьям со словами: «Сначала вы ее возненавидите...»

Как-то раз мы с Эллисом — не считите за бахвальство — ужинали вместе, и он, вспомнив о «Бойцовском клубе», спросил: «Каково это — когда по твоей книге снимают хорошее кино?» Он упомянул и собственный роман «Ниже нуля», чью экранизацию не пнул тогда только ленивый. Странно сказать: я недавно пересмотрел ее и пришел в восторг. «Бэнглз» с песней «Смутная тень зимы!» Галстуки-селедки и широченные подплечники! Брюки-гофре! Я даже прослезился, так это было трогательно. Конечно, отчасти свое взяла ностальгия, но дело еще и в том, что у меня прибавилось ума, или прожитых лет, или чуткости, позволяющей ценить и такие истории, которые не говорят обо мне напрямую.

Молодежи нужны зеркала, людям постарше — искусство. Не находя себя и свой мир в книгах Чивера и Фицджеральда, я от них отрекался.

Проиллюстрирую мысль иначе и скажу, что не всегда носил очки. Первые три года в школе я проклинал недоумка, который догадался вешать часы высоко на стену. Какой в этом толк, если их никто не увидит? С баскетбольными кольцами была та же история. Бросать мяч в далекую, едва различимую цель? Бессмысленная игра, что за психи ее придумали?..

А потом, когда мне исполнилось восемь, у меня появились очки, и мир неожиданно обрел смысл. Часы уже не казались смазанным белым пятном под потолком. Загадочный звук, всегда раздавав-

шийся после штрафного броска, получил объяснение: под кольцом была натянута сетка! Голова поначалу немного болела, но я привык.

Вот вам хорошая новость: все мы взрослеем. Даже я. Каждый год я открываю «Рабов Нью-Йорка», «День саранчи» или «Сына Иисуса» и радуюсь, будто взял в руки совершенно новую книгу. Но мы-то знаем: меняется вовсе не книга. Меняюсь я сам.

Это меня еще нужно дописывать.

Как и всех нас, правда?

Настоящим я отказываюсь делить литературу на «хорошую» и «плохую» по первому впечатлению. Со временем сильные тексты останутся в памяти: годы идут, и читатель меняется. То, что в одной эпохе считается образцом вкуса, в следующей быстро забудется. Пусть сейчас у смелых рассказов не слишком внушительная аудитория, со временем она продолжит расти.

Всякую долговечную историю видно по тому, насколько ее появление взбудоражило устоявшиеся в культуре порядки. Взять, к примеру, «Гарольда и Мод» или «Ночь живых мертвецов»: рецензенты заклеили оба фильма безвкусицей, но они пережили критику, и теперь от них веет уютом, как от пыльных подшивок «Ридерс дайджест».

Мы возвращаемся к неудобным фильмам и книгам, потому что они с нами не церемонятся. Их стиль и содержание требуют от нас напряжения, зато, однажды их полюбив, мы получим кое-что ценное на всю жизнь. Все новое и сложное утверждает свою власть. В молодости мы стремимся завершить себя как можно быстрее: набиваем желудок

фастфудом, дом — разным хламом, голову — информацией, печатной, скачанной и вторичной. Мы торопимся потреблять, каждый раз — как последний; наша цель и правда в чем-то похожа на смерть. С годами мы нагружаем свою жизнь всевозможной дешевкой. Совсем как Ник, рассказчик в «Великом Гэтсби», мы попадаем в капкан своего желания построить себя к тридцати годам.

В зрелом возрасте мы ломаем голову, как избавиться от лишних вещей и килограммов. Вот бы добавок сделать липосакцию черепной коробки, чтобы выкачать оттуда все бесполезные факты!

Вспомните свои любимые фильмы. В каждом, если подумать, есть эпизоды, которые вы пропускаете, и другие, которые пересматриваете. Последние могут меняться в зависимости от вашего настроения, и только крайности неизменны. Чему сопротивляешься — остается.

Справедливости ради замечу, что последняя фраза взята из одного старого тренинга личностного роста. Во всяком случае, там я впервые ее услышал. Впрочем, такое не грех повторить.

Чему сопротивляешься — остается.

Худшее, что вы можете сделать по прочтении этой книги, — решить, что она вам понравилась от первой до последней страницы. Надеюсь, несколько слов все-таки встанут у вас поперек горла — и чем больше, тем лучше. Пусть эти рассказы расшевелят вас, оставят шрамы. Понравятся они вам или нет — неважно; вы их уже увидели, они вошли в вашу кровь. Вы, может быть, не полюбите их сейчас, но все равно к ним вернетесь; они будут ис-

пытывать вас на прочность, помогут окрепнуть духом и вырасти над собой.

У писателей, которых я знал на заре их карьеры — на семинарах и мастер-классах, — я особенно часто замечал одну слабость: они не способны долго терпеть неразрешенный конфликт. Начинающие авторы стремятся избавить свои тексты от всякого напряжения. Они готовят почву для потрясающих трагедий и тут же сворачивают с пути. У многих из них незавидное прошлое. Несчастное детство — лучший проводник к секретам писательского ремесла. Человек, которого в детстве жизнь заставляла мириться с родительским произволом, насилием и нищетой, быстро теряет вкус к конфликтам. Напротив, он учится сглаживать противоречия и избегать разногласий. Однако представьте самолет, который скачет по шоссе, не набирая больше тридцати миль в час и касаясь земли каждые пятьдесят футов. А теперь спросите себя: отправились бы вы на таком из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк? Пока писатель не впустит в свою жизнь напряжение, его работам будет не хватать глубины.

Литература, кроме прочего, дарит возможность встретить трудности во всеоружии. Вы уже не ребенок, не жертва. Вы сами создаете конфликт и держите его под контролем. Неделями, месяцами вы наращиваете напряжение, а затем ведете его к развязке. В то же время другие прочитают вашу историю гораздо быстрее, чем вы ее написали. Неудивительно, что дорога к читателю иногда занимает так много времени. Если Фицджеральд потратил на «Великого Гэтсби» год-другой, мне, чтобы про-

никнуться горьким тоном рассказчика, понадобилось лет десять.

Потратите вы на эту книгу дни или годы, знайте: ее бы не было без сообщества писателей, которое создали Деннис Уидмайер, Мирка Ходурова, Марк Вандерпул и Ричард Томас. Более десяти лет они вели творческую мастерскую, где авторы со всего мира могли шлифовать свой талант и заводить новые знакомства. Рассказы, которые вы читаете, пережили сотни отзывов и стали только лучше. Даже мои замечания не смогли их испортить. Джой Уильямс, одна из моих любимых авторов, однажды сказала: «Пишут не для того, чтобы заводить друзей». Она совершенно права, и все-таки это выходит само собой. По дороге ты заводишь друзей.

Я надеюсь, эти рассказы вам понравятся. Некоторые я уже полюбил; с другими все впереди. Вкусы меняются. Кому не терпится себя порадовать, пусть посмотрит в зеркало. До конца жизни я — уже другой я — снова и снова буду возвращаться к этой книге, зная, что еще не дочитал ее до конца, потому что и сам никогда не буду закончен. В итоге вы и я — мы оба полюбим ее от первого до последнего слова. Эти рассказы, словно дюжина очков, откроют перед нами новые миры. От будущего поначалу всегда болит голова.

Деннис Уидмайер,
Ричард Томас

ОТ РЕДАКТОРОВ:
ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ
«ОБОЖЖЕННЫЕ ЯЗЫКИ»*

Что означает фраза «обоженные языки»? Она берет начало от Тома Спэнбауэра и его прославленного ученика — да, вы угадали, Чака Паланика. К прозе Паланика и его студентов применяли самые разные определения — «трангрессия», «минимализм» или, скажем, «гротеск». Все они более чем уместны. В статье, опубликованной в «Лос-Анджелес уикли», Паланик определяет «обоженный язык» как «способ сказать что-то, но сказать неправильно, спутанно; зацепить читателя, заставить сосредоточиться, не позволить скользить по поверхности абстрактных образов, рубленых наречий и штампов». Мы все стремились именно к этому — писать рассказы, которые заставляют задуматься, вернуться к прочитанному, испытать те чувства, которые автор создал с помощью слов.

* *From the Editors: The Genesis of Burnt Tongues. Dennis Widmyer and Richard Thomas, copyright © 2014.* Перевод Юрия Балясова.

В 2004 году на «Культе»* возникла идея творческой мастерской для талантливых авторов, с уроками и статьями от Чака Паланика. Годы спустя, когда Чак согласился читать и рецензировать чужие работы, мы поняли, что стоим на пороге большого события. Начинающим авторам выпал редкий шанс, и новость произвела среди них фурор. Наш сайт собрал столько талантливых новичков, уникальных историй и точек зрения, что мы сразу оценили огромный потенциал идеи.

В течение следующих двенадцати месяцев, в 2010—2011 годах, команда преданных делу читателей изучала тексты, в огромных количествах поступавшие в мастерскую. Раз в месяц из сотни с лишним рассказов каждый отборщик составлял шестерку лучших — всего получалось от пятнадцати до двадцати (иногда один рассказ выдвигали сразу несколько человек). Этот «Большой список» мы затем сокращали до «Финальной шестерки» и отправляли Чаку. Он читал их и рецензировал, а его замечания публиковались на сайте, чтобы все могли, изучив и обдумав их, отшлифовать и довести до готовности собственные работы.

В 2011 году мы представили Чаку семьдесят два лучших рассказа, и из этого списка он выбрал двадцатку сильнейших, достойных войти в антологию, — этот сборник, «Обожженные языки», вы сейчас и читаете.

По пути не раз случались фальстарты и наступали периоды длительного молчания, но мы зна-

* «Культе» — официальный фан-сайт Чака Паланика, www.chuckpalahniuk.net.

ли, что проект должен жить, и продолжали его продвигать, меняли планы, искали способы удержать его на плаву. Мы прилагали все силы к тому, чтобы рассказы увидели свет, а их авторы добились заслуженного внимания. Пока проект развивался, некоторые из них успели обзавестись литературными агентами, подписали контракты и вышли к читателю с другими своими текстами, так что интуиция нас, похоже, не подвела.

Мы надеемся, вам понравятся эти рассказы — они не для слабых духом, но мы увидели в них глубину, характер и правду. Это сильная проза, и она должна остаться с вами надолго.

Нил Кролики

ПЕРЕЖИТЬ *

Смешиваете одну часть соли для ванн с двумя частями пестицида, а сколько у вас времени — зависит от того, какому вебсайту вы доверяете. Корин включает музыку на айпоне; скорее всего, дольше шестой песни не протянем. Подборка «Жестокий мир». Дана с телефона обновляет статус на фейсбуке: «Дана готова». Пишет свой прощальный твит: «ХОХО, всех прощаю... Шутка». Последний пост в блоге Корин начинается словами: «Люди, все плохо. Вы сами виноваты». Мы все проголосовали за эту строчку: из двух окончательных вариантов этот, типа, самый грустный.

Там, на сайтах, ничего не разобрать, пока не выберешь «С японского» — «На русский» — «Перевести». И даже в переводе чушь какая-то, но главное мы поняли. В интернете пишут, что рецепт проверен и надежен. Самоубийство, продуманное, как хороший японский автомобиль, — логично, ведь японцы и придумали. В Японии с самоубийствами все круто. Потерял работу, потратил все деньги, нечем кормить детей? Закрываешься в машине

* *Live This Down. Neil Krolicki, copyright © 2014.* Перевод Екатерины Костиной.

с заведенным двигателем в запертом гараже, а никому и дела нет. Или стреляешь себе в рот, или, там, прыгаешь с высоченного здания. Или смешиваешь химикаты, которые в общем-то смешивать не положено, и запираешься с этой смесью в комнате. Все в порядке. Дело чести и все такое.

Пули в рот и прыжки с верхотуры нас не привлекали, ведь тогда на похоронах гостям достанется только рыдать над гламурной урной, в которую аккуратно упакован сожженный прах. Маме и отчиму придется любоваться фотографией в красивой рамочке, сделанной на танцевальном конкурсе. Нет уж, так легко вы не отделаетесь.

Пару недель назад, когда по телевизору шел репортаж о прокатившейся по Японии волне самоубийств с использованием моющих средств, ведущая, конечно, не продиктовала подробную инструкцию о том, как это повторить, но наговорила достаточно, чтобы остальное можно было наугадить. «Сотни японцев лишили себя жизни, смешав вот эту марку соли для ванн (картинка в правом верхнем углу) с вот той маркой пестицида на основе извести серы (картинка в правом нижнем углу)».

Японские копы закрывали один сайт с инструкцией, и тут же возникали пять других. Из страны, в которой создают все эти новенькие гаджеты для облегчения жизни, появился способ облегчить и смерть.

Все просто, как япона мать.

В общем, задолго до того, как приступить собственноручно к смешиванию, нужно стащить данные ма-